

Г.В. Борисов, Д.В. Мельник

ПОЗИТИВНЫЙ И НОРМАТИВНЫЙ ПОДХОДЫ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКЕ

История формирования позитивного и нормативного подходов в экономическом анализе

Одним из основных методологических положений современной экономической науки считается разделение на позитивную («что есть») и нормативную («что должно быть») области исследования. Такое разделение носит не только логический, но и исторический характер. Традиционно господство нормативного подхода связывается с «донаучной» эпохой — с экономическими воззрениями античности и Средних веков. Распространение же позитивного подхода характерно для развития экономики как науки начиная со времен А. Смита. Таким образом, сама эволюция экономического анализа может рассматриваться как процесс постепенного вытеснения из него нормативных элементов и достижения все большей степени объективности исследований.¹

Разделение экономического анализа на позитивную и нормативную области связано, прежде всего, с методологическими исследованиями таких английских ученых, как У.Н. Сениор, Дж. С. Милль, Дж. Кернс, Г. Сиджуик, Дж. Н. Кейнс. Последний оказал, пожалуй, наибольшее влияние на последующее понимание методологии экономической науки. Не случайно М. Блауг называет его «ведущим методологом неоклассики».² Развиваемый указанными учеными подход вообще был характерен для британской философской традиции, в частности для Д. Юма, разделявшего мир науки и мир человеческой практики (искусства). Мир науки выступает здесь как область изучения фактов, уста-

Глеб Владимирович БОРИСОВ — канд. экон. наук, доцент. Окончил экономический факультет СПбГУ в 1994 г. В период 1994–1997 гг. обучался в аспирантуре. С 1997 г. работает на кафедре истории экономики и экономической мысли СПбГУ. В сферу научных интересов входят методология экономической науки, современная теория заработной платы, теория человеческого капитала. Имеет 15 опубликованных научных работ.

Денис Валерьевич МЕЛЬНИК — канд. экон. наук, старший преподаватель кафедры истории экономики и экономической мысли СПбГУ. Окончил экономический факультет СПбГУ в 2001 г. Кандидатскую диссертацию защитил в 2003 г. В январе–июне 2005 г. проходил научную стажировку в Италии. Сфера научных интересов — история и методология экономической науки, экономическая история. Автор 5 научных публикаций.

новления между ними причинно-следственных связей, как область логического анализа. Ему противопоставляется сфера практической деятельности людей, которые руководствуются ценностями, ставят перед собой цели и пытаются достичь их, взаимодействуя с другими людьми.

Здесь важно отметить, что данное разделение не ведет автоматически к признанию несущественности нормативного аспекта для экономического анализа. Один из наиболее ярких и значительных представителей английской экономической науки XIX в. Дж. С. Милль подчеркивал в своем известном разделении законов производства богатства и законов его распределения то, что на хозяйственную жизнь влияют не только независимые от людей силы, технические условия, но и нормы, и обычаи человеческого общества. Последние, с одной стороны, подвержены целенаправленному влиянию государства и общества, с другой же — не могут быть изменены произвольно.

Для выделения области позитивного анализа необходимо указать пригодные для такого анализа объекты. У Дж. Н. Кейнса ключевым феноменом для этого выступает богатство. Таким образом, экономист анализирует действия, связанные с этим общественным феноменом, что и составляет предмет экономического исследования.

Следует заметить также, что Дж. Н. Кейнс разделяет нормативную науку и искусство. Нормативность не означает для него ненаучность. Исследование норм, правил поведения так же должно и может быть подвергнуто научному анализу, как и исследование правил мышления. Позитивная наука определяется им «как совокупность систематических знаний, относящихся к тому, что есть; нормативная или регулятивная наука — как совокупность систематических знаний, относящихся к тому, что должно быть, и потому имеющая своим предметом идеальное как нечто отличное от действительного; искусство — как система правил для достижения данной цели».³

По существу, речь здесь идет о разделении различных стадий анализа, где каждая из них носит самостоятельный характер. Представления о желаемом не следует вносить в теоретический анализ «экономических единообразий», но из результатов позитивных исследований также не могут быть выведены нормативные предписания. Истины политической экономии не должны смешиваться с практическими советами, но и теоретические построения не должны выводиться из нормативных суждений.

Леон Вальрас не относится к «островной» школе, однако его понимание методологических проблем было во многом схожим с рассмотренным выше. Разработанная им структура экономического знания «непосредственно обусловлена разделением предмета анализа — он выделяет типы фактов, определяет их специфику и в соответствии с этим определяет три метода анализа».⁴ Однако для Вальраса именно естественные факты, связанные с феноменом меновой ценности, могут быть предметом собственно научного исследования, «чистой» науки. Гуманитарные же факты связаны с человеческой деятельностью, с проявлением воли.⁵ Они, в свою очередь, разделяются на отношения человека к вещам и на отношения человека с другими людьми. Отношения человека к вещам составляют категорию, связанную с индустрией, отношения к другим людям — с нравами. «Теория индустрии будет называться *прикладной наукой* или *искусством*; теория нравов — *наукой о морали* или *моралью*».⁶ Однако данные категории фактов не составляют предмета исследования экономики как науки в собственном смысле этого слова. Таким образом, Вальрас связывает «чистую», «позитивную» экономическую науку с фактами меновой стоимости, которой обладают все полезные и количественно редкие вещи, с их особой способностью обмениваться друг на друга в определенных пропорциях.⁷

Итак, в рассмотренных выше подходах разделение позитивного и нормативного проводится применительно к самому процессу исследования. Речь не идет о признании ценностей, этических норм несущественными для экономического поведения.

В современных же трактовках ситуация редкости и связанный с ней процесс выбора ставится в центр исследования, является его предметом. Экономика перестает, так сказать, быть общественной наукой, но взамен она приобретает черты всеобщности. По словам американского экономиста Дж. Хиршлайфера, «экономическая теория — это поистине универсальная грамматика общественной науки».⁸

В какой степени такое расширение области исследований влияет на проблему соотношения позитивного и нормативного видов анализа? На наш взгляд, это приводит к разделению этики и экономики, к пониманию самого экономического поведения как «свободного от ценностей». Иными словами, разделение позитивного и нормативного переносится из области собственно научного анализа в область экономической деятельности; осуществляется не на уровне субъекта исследования, а на уровне предмета исследования.

Так, по мнению Л. Роббинса, «существует жесткое логическое разделение между обобщениями из позитивных и из нормативных исследований».⁹ Поэтому соединение этики и экономики возможно для него только в механической форме. Однако, как указывает А. Сен, утверждая это, Л. Роббинс «занимал позицию, которая в то время (в 30-е годы XX в.) не была принята, тогда как теперь она в моде».¹⁰ Можно предположить, что истоки этой «моды» заключаются в переходе к иной трактовке предмета экономической науки. Соответственно, изменился и подход к разделению анализа на позитивную и нормативную области. При этом можно утверждать, что на современном этапе данные изменения не всегда учитываются, и зачастую происходит смешение как минимум двух различных подходов.

Первый из этих подходов основан на том, что оценки исследователя не должны влиять на выявление им причинно-следственных связей. При этом обращается внимание на то, что дополнительную сложность для исследователей-экономистов создает неизбежное включение ценностных, нормативных элементов в область их анализа.

Второй же подход подразумевает, что сама экономическая деятельность (по крайней мере на уровне теоретического анализа) не находится под влиянием ценностных, нормативных элементов, поэтому разделение позитивного и нормативного подходов, строго говоря, является разделением экономики и этики — двух несовместимых дисциплин.

Подчеркнем еще раз, указанные подходы связаны с различным пониманием предмета экономических исследований. Рассмотрим теперь с этой точки зрения второй из них.

По мнению Л. Роббинса, «формы, которые принимает человеческое поведение, когда необходимо распорядиться редкими ресурсами, составляют единый предмет экономической науки».¹¹ Таким образом, задача экономической науки не состоит в изучении тех человеческих действий, которые направлены на определенный объект или совокупность объектов, связанных с понятием хозяйства. Экономика рассматривается «как изучение не природы неких *видов* человеческого поведения, произвольно выделенных из всех других, но некоего *аспекта* поведения в целом».¹² Экономическая деятельность определяется через рациональное сопоставление целей и средств в условиях ограниченности ресурсов. Она складывается из человеческих действий; без предварительного оценивания индивидами материальные и нематериальные феномены окружающего мира не могут рассматриваться как экономические блага. Но логика экономического выбора не связана также и с какими-либо особыми мотивами поведения, скажем, с гедонистическими — она ситуативна. Предмет экономической науки не связывается ни с феноменами, которые можно определить

только в рамках общественных отношений, ни со специфическими мотивами, которыми могут руководствоваться (а могут и не руководствоваться) отдельные индивиды.

Экономическая деятельность, таким образом, может быть отделена от определенных, исторически конкретных общественных отношений. При этом общественные феномены являются результатом индивидуальных действий. Тем самым снимается проблема оценки хозяйственной жизни с позиции интересов коллектива, целого — ведь никто, кроме субъекта, и не может адекватно оценить собственные действия. Вместе с тем коль скоро экономические действия не составляют особого вида деятельности индивида, они также не могут вступать в противоречие с другими видами. Скажем, религиозные убеждения могут рассматриваться как один из факторов, учитываемых при рациональном выборе. Это не означает, очевидно, что коллизия между различными аспектами человеческой деятельности невозможна. Но даже устранение коллизии может быть представлено как цель, достигаемая посредством рационального выбора. С точки зрения рассматриваемой нами проблемы такое понимание предмета экономической науки означает последовательное освобождение анализа экономической деятельности от влияния моральных оценок. Это означает, что мораль не может быть представлена как некая внешняя, надындивидуальная данность, исходя из которой можно оценивать и направлять индивидуальные действия. Иными словами, «что должно быть» — никто, кроме действующего индивида, не знает. В рамках рассматриваемого нами подхода разделение экономической науки на позитивную и нормативную становится невозможным. Обсуждение же этических основ поведения всецело относится к области философии морали.

В рамках данной работы мы не имеем возможности детально рассмотреть истоки и сущность этой методологической программы. Подчеркнем лишь, что она являет собой важный этап в развитии методологии общественных исследований. И в ее рамках идущее со времен Просвещения разграничение позитивных и нормативных исследований, основанное на разграничении категорий необходимости и долженствования, теряет свое фундаментальное значение. Но эта методологическая программа порождает и новые проблемы для экономических исследований. В частности, сами по себе факты в области общественных исследований перестают быть надежным критерием объективности. Соответственно, значительную роль начинает играть обоснование предпосылок, начальных условий, предшествующих анализу. Парадоксальным образом абстрактность теории ставит проблему реалистичности предпосылок — в противном случае исчезает критерий объективности, ведь объективность научного исследования в конечном итоге означает его соответствие реальности.

Непосредственным методологическим ответом на этот вызов можно считать ряд концепций, среди которых наиболее характерной выступает концепция М. Фридмена. В его статье «Методология позитивной экономической науки» излагаются принципы, на основе которых, по его мнению, возможна прочная постановка экономических исследований на естественно-научную основу. Как он указывает, «позитивная экономическая наука принципиально независима от какой-либо этической позиции или нормативных суждений. Как говорит Кейнс, она занимается тем, “что есть”, а не тем, “что должно быть”. Ее задачей является создание системы обобщений, которые можно использовать для корректных предсказаний тех следствий, к которым приведет любое изменение обстоятельств. О ее качестве следует судить по точности, широте охвата и согласованности с реальностью тех предсказаний, которые она дает. Короче говоря, позитивная экономическая наука является или может являться “объективной” наукой точно в том же смысле, как и любая из физических наук».¹³

Таким образом, М. Фридмен повторяет вслед за Дж.Н. Кейнсом необходимость разграничения позитивных и нормативных элементов на уровне исследовательской программы. Но он тут же переносит это разграничение в исследуемую область, чего не могло быть у Л. Роббинса и представителей австрийской школы. Из того, что исследователи должны быть свободны от влияния оценок, как бы само собой следует, что их воздействию не подвержены и экономические агенты.

Фридмен значительно усиливает представление об абстрактном характере научных исследований. Объективность науки зависит у него не от правильности предпосылок, выявить и обосновать которые можно практически только на уровне отдельного индивида, а от точности прогнозов, выводимых из теории. Здесь нет необходимости понимать действия человека (исследователя или экономического агента), равно как и обосновывать теорию саму по себе. Для нас не важно, например, действительно ли человеческие действия являются рациональными. Мы лишь можем предположить, что люди действуют так, как если бы они были рациональными, а некий механизм естественного отбора, связанный с конкуренцией, вознаграждает тех, кто *как бы* рассчитывал лучше.¹⁴ «Позитивная наука имеет своей конечной целью выдвижение “теории” или “гипотезы”, которая дает правильные и значимые (т. е. не являющиеся трюизмами) предсказания относительно еще не наблюдавшихся явлений».¹⁵

Однако здесь появляется необходимость оценивания результатов позитивного анализа, без чего невозможно их практическое использование. У М. Фридмена вновь возникает нормативная экономическая наука, задача которой заключается в выработке общепримемлемых, способных выступать основой общественного консенсуса рекомендаций по внедрению результатов позитивных исследований. При этом он замечает, что «нормативная экономическая наука и искусство не могут быть независимыми от позитивной экономической науки. Любой политический вывод с необходимостью основывается на предсказании следствий того или иного образа действий, предсказании, которое должно опираться — явно или неявно — на позитивную теорию».¹⁶

Данный подход занял в последние десятилетия главенствующее положение в экономической науке. «Преобладающая методологическая позиция не только тщательно оберегает традиционную экономическую теорию, она также проявляет значительную терпимость в пределах “правил игры”: почти любая модель считается годной при условии, что она строго сформулирована, изящно изложена и если есть шансы, что когда-нибудь впоследствии она будет иметь отношение к реальному положению дел».¹⁷ Именно этим следует, очевидно, объяснить характерную для современной экономической науки «методологию», о которой говорит М. Блауг. При этом методологические положения в современной науке не отсутствуют вовсе, но они, как правило, считаются чем-то вполне решенным, достойным упоминания лишь во вводных главах начальных курсов по экономической теории.

Однако при современном подходе к разделению сущего и должного во многом исчезает понимание их взаимосвязи в общественной жизни. Не только желаемые будущее, но и уже свершившиеся и совершающиеся факты экономической деятельности являются результатом целенаправленных, волевых человеческих действий. Проблема того, что «должно», а что «не должно» быть, — относится прежде всего к существующим условиям, если она и проецируется на возможное будущее, то исходя из существующих условий.

Именно абстрактность теории требует серьезного критического обоснования метода. Если нормативные элементы человеческого поведения считаются в экономической науке чем-то субъективным, не значимым при анализе сущего, то это должно быть обосно-

вано. Если же мы утверждаем, что экономика только заимствует содержание нормативных понятий, например понятия справедливости, из других наук, не подвергая их анализу, то что делать, к примеру, если выводы экономического анализа вступают в противоречие с нормативными требованиями, — какая сфера должна «уступить»?

По существу, общепринятое сегодня понимание предмета экономической науки не оставляет пространства для ответа на подобные вопросы.

Позитивный и нормативный подходы в современной экономической теории

В современной литературе можно найти ряд определений позитивной и нормативной экономической науки. Так, в одном из наиболее распространенных в современной России учебников указывается, что «позитивная экономика имеет дело с фактами (уже отобранными и перешедшими на уровень теории) и свободна от субъективных оценочных суждений... В противоположность этому нормативная экономика олицетворяет оценочные суждения каких-то людей относительно того, какой должна быть экономика или какую конкретную политическую акцию следует рекомендовать...».¹⁸ При этом «правильное обоснование экономической политики должно опираться на экономические принципы».¹⁹ Данное определение иногда интерпретируется в максималистском духе как требование очищенности позитивной науки вообще от каких-либо нормативных суждений. Популярная формулировка, где позитивной науке отводится роль описания того, что есть или будет на самом деле, а на долю нормативной приходится описание того, как должно быть, занимает, по-видимому, промежуточное положение между первыми двумя.

Можно начать наш анализ с рассмотрения упрощенной интерпретации, в которой позитивная экономическая наука выступает как наука, свободная от каких-бы то ни было нормативных суждений. Выдающийся экономист А. Маршалл отмечал, что в большей части своей повседневной жизни человек принимает решения на основе набора ценностей и привычек: «Экономисты имеют дело с человеком как таковым, не с неким абстрактным или “экономическим” человеком, а с человеком из плоти и крови. Они имеют дело с человеком, в своей хозяйственной жизни руководствующимся в большой мере эгоистическими мотивами и в такой же мере учитывающим эгоистические мотивы других; с человеком, которому присущи как тщеславие и беспечность, так и чувство наслаждения самим процессом хорошего выполнения своей работы или готовность принести себя в жертву ради семьи, соседей или своей страны; с человеком, которому не чужда тяга к добродетельному образу жизни ради собственных достоинств последнего».²⁰ Экономист анализирует, по Маршаллу, поведение реального человека, а не абстрактного идеального существа. Таким образом, экономические законы отражают преобладающее поведение индивидуумов, действующих на основе некоторого набора ценностей, норм, привычек, моделей поведения, следовательно, экономические законы не могут быть сформулированы в отрыве от нормативной сферы жизни человека.

Нерасторжимая связь между экономической теорией и нормативными аспектами человеческой деятельности укрывается от неискушенного взора вследствие ряда особенностей экономической науки.

Во-первых, любая теория имеет в своей основе аксиомы, принятые на веру или как само собой разумеющиеся, без доказательства. Значительная часть подобных аксиом в экономической теории сосредоточена в предпосылках модели экономического человека, связанных с формой функции полезности и др. Указанные предпосылки накладывают ограничения на поведение субъектов с целью его упрощения и фактически предполагают ту или иную реакцию субъекта на изменение экономических переменных. Например, пред-

посылка о возрастающем характере функции полезности или ненасыщаемости потребностей говорит о том, что независимо от величины потребления индивидуум будет испытывать пусть слабое, но положительное желание потребить дополнительную единицу блага. Принятие подобных предпосылок в экономической науке рассматривается как выделение в человеческом поведении универсальных «основных инстинктов», которые имеют место в поведении любого человека из любой страны и эпохи и заслуживают, таким образом, исключительного внимания. Далее на основе принятых допущений выводятся все положения экономической теории. Такая процедура может создать впечатление, что полученные выводы не имеют связи с нормативным каркасом индивидуума, в чем есть все основания сомневаться. Например, рассмотренная предпосылка о ненасыщаемости потребностей никак не может считаться универсальным элементарным законом поведения человека, так как число случаев-исключений из этого закона сопоставимо с числом случаев, подтверждающих его. Ненасыщаемость потребностей скорее является результатом определенного состояния нормативной сферы человека и никак не может считаться элементарным «животным» инстинктом потому, что в животном мире правилом является обратное, т. е. превалирует ограниченность числа потребностей и их насыщаемость.

Во-вторых, полученная в результате упрощений модель поведения субъектов экономики является настолько грубой и приблизительной, что на ее основе нельзя сделать точных выводов о решениях индивидуума. Свою законченность экономическая теория приобретает в эмпирических исследованиях, и многие экономические законы и явления сформулированы именно как эмпирические закономерности и факты, т. е. как объективные явления, вследствие чего нормативная сторона человеческой деятельности, лежащая в основе этих явлений, оказывается в тени. В качестве примера можно взять закон спроса, который считается эмпирической закономерностью и который, казалось бы, полностью лишен какого-либо нормативного содержания. Тем не менее для того чтобы понять, что закон спроса, так же как и все другие экономические законы, обусловлен состоянием норм, ценностей и привычек человека, достаточно вспомнить исключения из закона спроса, например эффект Веблена. Так, согласно последнему, в случае если индивидуумы стараются демонстративно подчеркнуть свое богатство и превосходство, то при росте цены товара величина спроса индивидуумов будет расти, а не уменьшаться, как того требует закон спроса. Следовательно, для выполнения закона спроса в его канонической форме необходимо, чтобы индивидуумы не проявляли демонстративного потребления, что говорит об обусловленности закона спроса нормами, ценностями и привычками людей. Другими словами, форма кривой спроса задается предпочтениями людей; тем не менее это знание, по всей видимости, не помогает экономистам адекватно оценивать степень нормативности своих законов.

Перейдем к анализу другого деления на позитивную и нормативную науки, в основе которого лежит утверждение о том, что позитивная наука, в отличие от нормативной, не содержит субъективных оценочных суждений экономистов. Выделение нормативных утверждений как чего-то противостоящего «истинной» позитивной науке родилось в таком гносеологическом направлении, как эмпиризм. Так, один из представителей этого направления — Д. Юм рассматривал утверждения «что есть» и «что должно быть» как взаимоисключающие.²¹ Ранний позитивизм, эпистемологически близкий эмпиризму, не только унаследовал тенденцию к выделению указанных двух областей, но и возвел его в ранг программного требования, сводящегося к устранению любых элементов метафизики из науки. При таком подходе для ценностных суждений, являющихся частью метафизики в понимании позитивистов, места в системе наук не оставалось. Пик влияния пози-

тивизма в научной среде пришелся на конец XIX в., именно тогда и была написана книга Дж. Н. Кейнса, в которой постулировалось деление на позитивную и нормативную науки.

Общезвестно, что кризис в физической науке на рубеже XIX и XX в. вызвал и кризис в позитивизме, приведший к возникновению неопозитивизма. Проблема противопоставления физики метафизике в неопозитивизме была «решена» объявлением метафизики результатом неаккуратного использования языка науки, путаницей, бессмыслицей.²² При отсутствии нормативных утверждений, апеллирующих к некоторым ценностям, в аргументации является свидетельством, согласно неопозитивизму, ненаучности рассуждений. Ценностные утверждения нельзя свести к «атомарным» эмпирическим фактам, их нельзя проверить, следовательно, по выражению Л. Витгенштейна, о них «следует молчать».²³ По сути, неопозитивизм попытался теоретически решить проблему происхождения ценностных суждений и метафизических положений в целом, объяснить причину их присутствия в научном и повседневном лексиконе. Согласно Витгенштейну и его последователям, неправильное использование языка является причиной возникновения метафизических понятий. «Большинство предложений и вопросов философа (т. е. метафизических вопросов. — Г.Б. и Д.М.) коренится в нашем непонимании логики языка», — считает Витгенштейн.²⁴ Суть языка — описание мира, действительности, со-бытия.²⁵ Но в действительном мире нет ценностей, следовательно, этические (нормативные) предложения невозможны.²⁶ Ценностные суждения не верифицируемы, поэтому они не имеют смысла и их нельзя использовать, — вторит Витгенштейну Р. Карнап, один из основателей Венского кружка философов.²⁷ Несколько менее категоричен в отношении нормативных утверждений М. Шлик, другой выдающийся представитель Венского кружка. Согласно Шлику, наука может только описывать и систематизировать нормы, однако предписывать их она не может.²⁸

Неопозитивизм имел широкое влияние на научную общественность до середины XX в. В первой трети XX в. во многом благодаря неопозитивизму тенденция к изгнанию нормативных утверждений из науки достигает пика.²⁹ Однако во второй половине столетия основные положения неопозитивизма стали подвергаться массовой критике со стороны таких философов нового поколения, как К. Поппер, Т. Кун и др., идейно относящихся к следующему этапу развития позитивной философии — постпозитивизму. Начиная с 60-х годов XX столетия отношение философов (принадлежащих как к позитивистскому направлению, так и к другим течениям философии) к роли ценностных положений претерпело радикальные изменения. Так, Поппер критикует одно из программных положений эмпиризма и позитивизма о том, что идеальный разум исследователя — это *tabula rasa*, который не привносит ничего постороннего в данные, полученные опытным путем. Согласно К. Попперу, разум человека можно рассматривать как продукт генетической и культурной эволюции, вследствие чего память исследователя еще до проведения эксперимента наполнена априорными ожиданиями, гипотезами, ценностями. Поппер формулирует следующую фундаментальную теорему: «Всякое приобретенное знание, всякое обучение состоит в модификации (быть может, в отвержении) некоторых форм знания или предрасположения, имевших место ранее, а в конечном счете — врожденных предрасположений».³⁰ Всякое опытное наблюдение зависит от этих априорных аксиом в том смысле, что априорные знания играют огромную роль в постановке исследовательской проблемы, в выборе объекта исследования, методов анализа и т. д.: «Нет таких органов чувств, в которые не были бы генетически встроены определенные предвосхищающие теории».³¹ Нетрудно предположить, что этические нормы также могут быть врожденными. Тогда, согласно Попперу, они будут оказывать малозаметное, но отнюдь не незначительное влияние на исследовательский процесс.

Еще большую роль играют нормативные положения в подходе, отстаиваемом известным постпозитивистом и философом науки Т. Куном. Имя Куна стало широко известно после выхода в свет его книги «Структура научных революций» (1963). В этой книге Кун сформулировал понятие парадигмы, понимаемой как исследовательский подход, существующий в рамках некоторой научной дисциплины. Он базируется на определенной научной теории или группе теорий, разработанных в рамках дисциплины, а также на определенной философии исследования. Из определения ясно, что понятие парадигмы является более широким, чем узко дисциплинарная теория.³² По Куну, парадигма включает, кроме сугубо теоретических элементов, и другие компоненты, в числе которых присутствуют, помимо прочих, «метафизические части парадигмы» и «ценности». Под метафизическими частями парадигмы Кун понимает общепризнанные среди ученых, разделяющих парадигму, предписания о том, как необходимо понимать объект исследования, какова «правильная» картина мира, каковы допустимые в научных исследованиях аналогии, метафоры и эвристические методы.³³ Ценности как компонент парадигмы состоят, по Куну, из ценностей, касающихся точности прогнозов, простоты теории, ее логичности и др.³⁴

Принципиальное значение идей Куна с точки зрения цели настоящей работы состоит в том, что парадигма с необходимостью включает и большое количество нормативных положений, которые задают общую направленность, цели, предмет и методологию исследований, а так же используемые учеными исследовательские методы (процедуры). После работ Поппера и Куна появились все основания утверждать, что «метафизика» неустранима из науки.³⁵

Мы еще более укрепимся в полученном выводе, если обратимся к анализу специфики гуманитарного знания на примере экономической науки в свете рассматриваемой проблемы нормативного и позитивного подходов. В экономике невозможно представить результаты поведения людей в виде независимого причинно-следственного ряда, существующего как бы вне человеческих действий. Ведь основой всякого экономического действия выступает целеполагание. Доступны же нашему непосредственному наблюдению лишь результаты действия, подлинные же мотивы в большинстве случаев так и остаются скрытыми. Условием объективного («позитивного») анализа становится понимание человека, который имеет волю ставить цели. Человек выступает именно субъектом действия, который может порождать новые цепочки событий или изменять существующие.

Чтобы объяснить действия человека, нужно его понять. Категория понимания является методологической основой так называемого *прагматического метода* науки, который получил признание в последние несколько десятилетий XX в., истоки которого, однако, можно обнаружить в понимающей социологии, а также в марксизме, американском прагматизме, герменевтике и аналитической философии.³⁶ Специфика прагматического метода обнаруживается при сравнении его с гипотетико-дедуктивным методом. Если основу гипотетико-дедуктивного метода составляет *объяснение* окружающего мира на основе некоторой теории, то суть прагматического метода состоит в *понимании* целей, которыми руководствуются субъекты, осуществляющие те или иные действия. Если в первом методе теория соотносится с фактами, ее подтверждающими или опровергающими, то во втором методе действия людей соотносятся с имеющимися у них ценностями. Как утверждает российский философ В. Канке, «к прагматическому методу приходится обращаться там, где наука имеет дело с предпочтениями людей, какой бы природы они ни были».³⁷

Предпочтения субъектов являются исходным пунктом экономической теории. Метод выявленных предпочтений был предложен П. Самуэльсоном в 1938 г. для того, чтобы из

имеющихся данных о спросе и доходе вывести предпочтения индивидуумов.³⁸ Согласно этому подходу мы предполагаем, что если при заданном бюджетном ограничении и ценах потребительских товаров потребитель выбирает некоторый товарный набор, то мы можем считать, что данный набор приносит максимальную полезность среди всех доступных для индивидуума наборов. В соответствии с данным методом были предложены алгоритмы расчета функции полезности, обладающей необходимыми свойствами.³⁹

Несмотря на теоретическую привлекательность и подкупающую простоту метода выявленных предпочтений, его практическое использование является весьма проблематичным. В научной литературе идет непрекращающийся спор по поводу того, соответствует ли реальное поведение домашних хозяйств аксиомам теоремы выявленных предпочтений.⁴⁰ Существенный вклад в понимание данной проблемы внес А. Сен, который обратил внимание на то, что теория потребительского поведения в целом и аксиомы выявленных предпочтений в частности не учитывают наличие зависимости потребительского выбора от нормативного контекста. Развивая данное направление анализа, Сен пришел к выводу, что невозможно принимать в отношении поведения индивидуума предпосылку об априорной согласованности его предпочтений, которая имеет место в аксиомах выявленных предпочтений. Если предположить, что потребительский выбор в пользу того или иного набора товаров в определенных случаях предполагает нормативный выбор между выполнением или невыполнением требования, предписываемого некоторой социальной нормой, выбор потребителя, находящегося под действием социальной нормы, может не согласовываться с его прочими выборами.⁴¹

Принимая во внимание выводы, полученные Сеном, можно сказать, что понимание ценностей, целей, мотивации индивидуумов является необходимым условием содержательного экономического анализа, выходящего за рамки нереалистичных аксиоматических построений.⁴² Очевидным является также и тот факт, что информация о ценностях, целях и мотивации субъектов экономики еще менее доступна для экономистов, чем данные о предпочтениях. В свое время Дж.М. Кейнс, обосновывая неустойчивость равновесия в капиталистической экономике, указывал на то, что отсутствие объективных данных о будущем положении дел создает прекрасные условия для подчинения расчетов экономических субъектов влиянию субъективных факторов. С нашей точки зрения, подобную логику с полным правом можно использовать в контексте рассматриваемой проблемы. Не имея данных о состоянии нормативной сферы индивидуумов, исследователь принимает произвольные нормативные допущения, касающиеся его поведения, как сделал А. Смит, утверждавший, что эгоизм — наиболее сильная черта человека. Утилитаристский подход, повсеместно используемый в экономической науке, является другим примером априорного нормативного допущения. По сути вся модель экономического человека представляет собой набор нормативных принципов, произвольно рассматриваемых как имеющие отношение к поведению действительных субъектов. Аксиомы, касающиеся формы предпочтений субъектов, излагаемые на первых страницах учебников по микроэкономике, также носят нормативный характер.

Таким образом, нормативные положения присутствуют в «позитивной» теории в качестве неотъемлемой ее части. Более того, в свете рассмотренных выше выводов Сена можно утверждать, что способность экономической теории непротиворечиво описывать поведение реальных субъектов, а следовательно, и ее способность решать возникающие в реальной жизни задачи, напрямую зависит от того, насколько полно и адекватно теория учитывает влияние нормативного контекста. Отсутствие в теории адекватного отражения нормативной сферы деятельности человека — «ахиллесова» пята современного эконо-

номического анализа, являющаяся основной причиной фиаско экономической теории перед лицом насущных проблем, возникающих в современном мире.

В связи с этим возникает вопрос, почему же в современной экономической науке сохраняется деление на нормативную и позитивную сферы анализа? С нашей точки зрения, возможен следующий ответ, предполагающий одновременное сосуществование и влияние нескольких тенденций, которые в совокупности способствуют сохранению такого методологического подхода.

1. Как мы уже видели, выделение позитивного и нормативного типов анализа является неотъемлемым атрибутом позитивистского подхода в науке. До тех пор пока исследовательская программа экономической науки будет основана на позитивизме, деление на нормативный и позитивный подходы будет сохраняться. При этом полезно заметить, что наука может существовать не только в форме позитивистской науки, и позитивистский метод не является безальтернативным методом научного анализа.

2. Деление на нормативный и позитивный подходы имеет также связь с этикой исследования, так как предупреждает против создания «заказных» теорий на злобу дня. Однако данный отдельно взятый элемент научной этики вряд ли заслуживает того, чтобы упоминать о нем во всех вводных учебниках по экономике бакалаврского уровня.

3. Определенную роль в сохранении деления на позитивную и нормативную науку играет консерватизм науки. Раз принятая на «вооружение» концепция, особенно имеющая методологический характер, не будет меняться без серьезной и продолжительной критики со стороны конкурирующих подходов. Тем не менее, учитывая огромное разнообразие нормативного контекста, оправдать подобный методологический прием трудно, так как результатом его использования является резкое снижение ценности, какую представляет собой наука для решения практических задач. Трудно предположить, чтобы научная среда по своей инициативе жертвовала самой наукой ради консерватизма.

4. Нужно отметить идеологические функции, которые выполняет экономическая теория. Основываясь на рационализме и утилитаризме, теория способствует пропаганде определенного образа или философии жизни и в этом смысле является идеологическим продуктом. В таких условиях попытка подвергнуть коррекции нормативный каркас теории расценивается как угроза и для тех, кто исповедует подобный образ жизни, что обеспечивает заинтересованность в распространении теории не только со стороны ученых, поддерживающих научную парадигму, но и государственных органов.

5. Прделанный анализ позволяет сделать вывод о том, что методологическая тенденция к устранению из экономической науки нормативных суждений имеет избирательный характер. Ряд нормативных концепций, уже вошедших в состав ядра науки, не рассматривается как элемент субъективизма, в то время как любое новое нормативное утверждение считается частной позицией исследователя с вытекающим критическим отношением к нему. Уже упомянутый консерватизм науки играет в этом определенную роль, предохраняя от неоправданно быстрого изменения аксиом анализа, хотя с точки зрения значимости науки для общества как раз стимулирование изменений аксиом экономической теории было бы как нельзя более кстати. Намного важнее, с нашей точки зрения, является стремление к сохранению ядра парадигмы, которое присутствует в любой методологической программе. Современная экономическая теория просто не имеет аналитического аппарата для того, чтобы быть более гибкой в плане учета нормативного контекста. Изменение подхода к роли нормативных суждений ведет в перспективе к радикальному изменению теории и смене парадигмы, поскольку, фактически, будет означать переход от теории, рассматривающей частный случай, к более общей теории. Естественно,

что сама постановка проблемы позитивного и нормативного анализа рассматривается как угроза для ядра действующей парадигмы и отмечается в принципе.

-
- ¹ См., напр.: *Чаплыгина И.Б.* Диалектика позитивного и нормативного подходов в истории развития экономической науки // *Экономическое мышление: философские предпосылки.* М., 2005.
- ² *Блауг М.* Экономическая мысль в ретроспективе. М., 1994. С. 655.
- ³ *Кейнс Дж.Н.* Предмет и метод политической экономии. М., 1899. С. 27.
- ⁴ *Чаплыгина И.Б.* Указ соч. С. 238.
- ⁵ См.: *Вальрас Л.* Элементы чистой политической экономии. М., 2000. С. 13.
- ⁶ Там же. С. 15.
- ⁷ См.: Там же. С. 19.
- ⁸ Цит. по: *Хайлбронер Р.* Экономическая теория как универсальная наука // *THESIS.* 1993. Вып. 1. С. 41.
- ⁹ *Robbins L.* An Essay on the Nature and Significance of Economic Science. London, 1935. P. 148.
- ¹⁰ *Сен А.* Об этике и экономике. М., 1996. С. 17.
- ¹¹ *Роббинс Л.* Предмет экономической науки // *THESIS.* 1993. Вып. 1. С. 18.
- ¹² *Robbins L.* Preface // *Wicksteed P.H.* Common Sense of Political Economy. London, 1932. Vol. 1. P. XXII.
- ¹³ *Фридмен М.* Методология позитивной экономической науки // *THESIS.* 1994. Вып. 4. С. 21.
- ¹⁴ См.: Там же. С. 35.
- ¹⁵ Там же. С. 23.
- ¹⁶ Там же. С. 21–22.
- ¹⁷ *Блауг М.* Несложный урок экономической методологии // *THESIS.* 1994. Вып. 4. С. 59.
- ¹⁸ *Макконнелл К.Р., Брю С.Л.* Экономикс: принципы проблемы и политика. Т. 1. Таллинн, 1993. С. 23.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ *Маршалл А.* Принципы экономической науки. М., 1993. Т. I. С. 83.
- ²¹ *Боулзэнд Л. А.* Современные взгляды на экономический позитивизм // *Панорама экономической мысли конца XX столетия / Под ред. Д. Гринэуэй и др.: В 2 т. СПб., 2002. Т. 1. С. 107.*
- ²² См., напр.: *Философия: Учебник для вузов / Под общ. ред. В. В. Миронова.* М., 2005. С. 191.
- ²³ *Витгенштейн Л.* Философские работы. Ч. I. М., 1994. С. 2.
- ²⁴ Там же. С. 19.
- ²⁵ Там же. С. 20.
- ²⁶ Там же. С. 70.
- ²⁷ *Крафт В.* Венский кружок. Возникновение неопозитивизма. М., 2003. С. 194–195.
- ²⁸ Там же. С. 195–196.
- ²⁹ Там же. С. 189.
- ³⁰ *Поппер К. Р.* Объективное знание. Эволюционный подход. М., 2002. С. 76.
- ³¹ Там же.
- ³² *Кун Т.* Структура научных революций. М., 2003. С. 270.
- ³³ Там же. С. 273–274.
- ³⁴ Там же. С. 274–277.
- ³⁵ *Философия: Учебник для вузов.* С. 190.
- ³⁶ О прагматическом методе см.: *Канке В. А.* Основные философские направления и концепции науки. М., 2004. С. 247–258.
- ³⁷ Там же. С. 252.
- ³⁸ *Samuelson P. A.* A Note on the Pure Theory of Consumer's Behaviour // *Economica.* N 5. P. 61–71. См. также: *Самуэльсон П.* Основания экономического анализа. СПб., 2002. С. 109.
- ³⁹ *Afriat S. N.* The Construction of Utility Functions from Expenditure Data // *International Economic Review.* 1967. N 8 (1). February. P. 67–77; *Chiappori P.-A., Rochet J.-C.* Revealed Preferences and Differentiable Demand // *Econometrica.* 1987. N 55 (3). May. P. 687–691; *Varian H. R.* The Non-Parametric Approach to Demand Analysis // *Econometrica.* 1982. N 50. P. 945–973.
- ⁴⁰ См.: *Blundell R., Pashardes P., Weber G.* What Do We Learn about Consumer Demand Patterns from Micro Data? // *American Economic Review.* 1993. N 83 (3). P. 570–597; *Famulari M.* A Household-Based, Non-Parametric Test of Demand Theory // *The Review of Economics and Statistics.* 1995. N 77 (2). May. P. 372–382.
- ⁴¹ *Sen A.* Internal Consistency of Choice // *Econometrica.* 1993. N 61 (3). May. P. 495–521.
- ⁴² Критику предпосылок неоклассической теории потребительского поведения см.: *Автономов В. С.* Модель человека в экономической науке. СПб., 1998. Гл. 3.

Статья поступила в редакцию 15 февраля 2006 г.